

Серый флаер нёсся сквозь дождь с погашенными огнями. Протянувшиеся вслед лучи впились в обшивку, заставляя летающую машину дёргаться из стороны в сторону, словно от боли.

В кабине Виктор, судорожно вцепившись в штурвал, старался не слушать тревожного сигнала с пульта, полностью сосредоточившись на том, чтобы оказаться как можно быстрее вне зоны досягаемости бластерных винтовок. Алые лучи уже пробили корпус в нескольких местах и вывели из строя часть приборов.

Гайка, не спускающая взгляда с монитора бортового компьютера, начав терять самообладание, пискнула:

— Наводят! РАКЕТА!..

Флаер вдруг качнулся и стал заваливаться на левый борт. Компьютер немедленно сообщил о критическом повреждении левого переднего привода: очевидно, один из лучей задел решётку антиграва.

В чёрном броневику, оператор ЗРК, матерясь на чём свет стоит, закончил вводить коды подтверждения, не без удовольствия отметив, как на тактическом дисплее зелёная рамка «БРТО, доступ 2+» вокруг летящего флаера сменилась на красную «цель». Чёрный код позволял такие вольности.

Но в следующее мгновение взрыв термогранаты в непосредственной близости заставил БТР подскочить и тяжело завалиться на бок. Ракета же, уже включившая маршевый двигатель, просто не успела сманеврировать и, не пролетев и метра, ударила в землю.

Руины завода вновь сотряслись до основания, и на месте броневику с ещё не вполне осознавшим происходящее оператором расцвело миниатюрное синее солнце плазменного взрыва...

...Разгоняя ливень и заливая кабину, по глазам полоснул яркий свет.

Не стой перед ним более насущных задач, Вик мог бы ужаснуться от осознания того, что сейчас случилось внизу — но флаер, оставляя в ненастном небе быстро тающий шлейф из дыма, уже подлетал к границе Зелёного сектора. Антигравитационное поле быстро теряло стабильность, и машина уже практически не отзывалась на штурвал.

Сердце сжалось от чувства собственного бессилия.

— Чёрт! — крикнул Вик, — Мы падаем, я не могу ничего сделать!

Гайка молча кивнула и сжала руку Джерри, словно прося поддержки. Тот притянул к себе

мышку и обнял, несмотря на стрельнувшую в груди боль.

Ли́ра же, вскочив на сидении, вдруг крикнула:

— НЕТ!

Её рог вспыхнул. В голове тут же взорвалась вспышка боли от недавней травмы, но было не до того. Нос беспомощно падающей машины вдруг окутался бледным сиянием кинетического поля.

Виктор знал, что предел телекинеза для единорогов — это их собственный вес или чуть больше, на расстоянии пары метров. То, что происходило, уже было за пределами технических возможностей рога.

Теоретически.

Золотистые глаза Лиры закатились, а зубы до скрежета сжались. Падение флаера, впрочем, не прекратилось, но он хотя бы прекратил заваливаться. Повинуясь больше наитию, чем разуму, Вик качнул флаер в сторону купола.

Генеральный план сооружения Европейского Гигаполиса, согласно рассекреченной части документации, изначально включал в себя возведение над Зелёными секторами куполов на основе сетчатых оболочек из металлоконструкций. Однако, с возникновением технологий фильтрации атмосферы силовыми полями неоднородного профиля, проект был отвергнут в пользу куда более технологичной и лёгкой в обслуживании системы щитовых генераторов. Выталкивающая сила полученных куполов зависела только от заряда тела, его импульса и поперечника на участке пересечения. Кривая зависимости устанавливалась погодной службой с расчётом на тип осадков.

Что при попытке прорыва случится с флаером, Вик не знал, но искренне надеялся, что касание поможет погасить скорость. О том, что будет, если их отрикошетит, он старался не думать...

...В мерный шелест дождя ввинтился надсадный гул, с которым поверженный флаер жёстко приземлился на лужайку рядом с внутренней стеной.

Взметнулся сорванный дёрн, раздался грохот и скрежет, пока летающая машина ехала по земле. Пропахав несколько метров и уткнувшись в цветущий склон, флаер остановился.

Из кабины, выбравшись из-под подушки безопасности, выскочил Виктор и начал высвобождать бессознательных пассажиров заднего сидения.

Вскоре из флаера показалась и Ли́ра. Единорожка со стоном повалилась на землю, держась за голову: рог как будто превратился в раскалённый гвоздь.

— Надо уходить, — позвал Виктор, — Они наверняка отследили курс.

— Сейчас... — простонала пони, поднимаясь на ноги.

Холодная вода, льющаяся с небес, освежала, немного успокаивая жгучую боль в роге. Сейчас на опасность простудиться было наплевать. Более того, хотелось сунуть голову в ведро со льдом.

— Положи мне на спину Скуталу, — попросила Лира, нетвёрдо стоя на ногах, — А то если я наколдую ещё хоть что-нибудь, моя голова точно взорвётся...

— Уверена? — спросил Виктор.

Пони тряхнула гривой.

— Тебе нести Серафиму и кейс, — сказала она, — а я смогу утащить жеребёнка и пару мышей.

— Я не ранена, — подала голос Гайка.

— Именно, — кивнула Лира, — Поэтому будешь следить, чтобы Скуталу и Джерри не свалились с меня.

Виктор вздохнул. Спорить не было сил, и он, стараясь быть аккуратнее, перекинул Скуталу через спину качнувшейся от такого Лире.

Гайка, посадив на единорожку Джерри, внезапно вскинулась:

— Секунду.

— Ну что?

— Прорыв силового поля объектом подобной массы, да ещё и на такой скорости, вызывает возмущения. А они элементарно отслеживаются — вплоть до траектории, которая у нас, как видите, упирается в землю. Через несколько минут здесь будут все службы Зелёного сектора, которые можно себе представить, включая полицию. И если они увидят, что мы благополучно сбежали, то это даст тем, кто за нами гонится, веское основание перевернуть ранчо Стива вверх дном. Пусть уж лучше мы до поры будем мертвы. Бегите и прячьтесь в лесополосе, я догоню.

Вика и Лире не нужно было просить дважды. Преодолевая дождь, боль и усталость, тяжело нагруженная парочка на максимально возможной для своего состояния скорости припустила в

сторону темневших в отдалении деревьев.

Уже находясь под защитой тяжёлых крон, беглецы увидели, как в разбитой кабине вспыхнул свет. После этого флаер какое-то время ещё лежал спокойно, но вдруг во все стороны ударили молнии, и на месте летающей машины на мгновение расцвёл ярко-голубой цветок электрического огня. Когда тот схлынул, от флаера Трейси и Рока остался почерневший остов, подёрнутый дымкой тумана, а со стены Зелёного сектора начала неприятными иссиня-чёрными квадратами «слезать» голографическая проекция виртуального ненастья.

— Что это было?... — изумилась Лира.

— Замыкание питающих цепей на себя, — ответила Гайка, успевшая уже добежать до деревьев, — Кроме как при полном разрушении решёток, такого произойти не могло. Если исключить намеренное вмешательство, конечно. Но это лучше, чем ничего. Больше взрываться во флаере решительно нечему, микрореакторы от повреждений просто гаснут, и всё. А вот решётки могли и пойти вразнос. Теоретически, от нас в таком случае должна была остаться лишь мелкодисперсная пыль. Так что какая-то фора у нас будет... Благо, дождь заметёт следы.

Устроившись на спине единорожки, она увидела, как к месту аварии уже начали стекаться флаеры с символикой спасательных служб...

...Сколько прошло времени до того, как беглецы объявились на пороге ранчо, никто из них не взялся бы прикидывать: сказать, что все были подавлены, значило не сказать ничего. После того, как напряжение схлынуло, его место заняло опустошение.

По дороге все будто заново переживали произошедшее.

Джерри, которого на спине Лире поддерживала Гайка, почувствовал, как единорожка под ним вздрагивает от беззвучных рыданий.

Он сказал громко, чтобы пони услышала его в шуме дождя:

— Лира, не лей слёзы по Дэш Вендар. Не надо.

— Откуда ты... Но почему? — спросила единорожка, — Разве она не была живой? Разве ей не было больно?

— Ты не видела, что она делала.

— Она... спасла нас.

— А ещё она чуть не убила Скуталу. Убивала на арене других пони. Она не заслуживает твоих

слёз. И ничьих.

Ли́ра промолчала, и Джерри решил пояснить:

— Я признателен ей за помощь, не сомневайся... Но сто́ит вспомнить её с окровавленным хлыстом над хрипящей Скут, и я не могу... просто не могу её простить.

Наполненные влагой жёлтые глаза уставились на мыша, и тот еле удержался, чтобы не отвести взгляд.

— Я знаю... Скуталу рассказывала. Но Рейнбоу погибла, спасая нас, и я ничегошеньки не могу поделаться...

Пода́ла голос Гайка:

— Алекс Вендар всё же не сумел выбить из неё добро. Как ни старался. И можно только восхититься смелостью и волей Дэш.

— Тебе-то почём знать, — буркнул Джерри.

Гайка вздохнула.

— Я слишком долго работала на мистера М. Я видела Алекса и Рейнбоу в клубе. А пару раз — дома, когда шеф хотел быть... более осведомлённым. Не могу сказать, что это из тех заданий, которые мне хотелось бы запоминать.

— Только не надо мне тут про трудное детство, — отмахнулся Джерри, — Уверен, в Гигаполисе есть масса синтетов, в том числе и пони, которым пришлось куда хуже.

Гайка не смутилась:

— Это верно. Но я не встречала ещё никого, чью личность ломали бы так целенаправленно и так жестоко. И то, что Рейнбоу Дэш Вендар нашла в себе волю быть сильнее этого, только подтверждает правоту Стивена и остальных пони. Добро и дружба — сильнее боли.

Джерри не ответил. Ему до смерти хотелось верить словам мышки. Но горький опыт мешал внутренне согласиться...

* * *

Стивена на ранчо не оказалось.

Как выяснилось, он улетел с Винил Скретч на поиски Октавии и до сих пор ещё не вернулся.

Вельвет Ремеди отрезала, что для оказания первой помощи нужен не Стивен, а она, и все пострадавшие были немедленно помещены в лазарет.

Виктор от помощи отказался, только сменил одежду и умылся. Синяки и кровь из носа были просто ничем по сравнению со сломанными рёбрами Джерри и расквашенной мордочкой Скуталу, и не требовали вмешательства.

Лиру после укола анальгетика также безжалостно выпроводили вон, занявшись по-настоящему пострадавшими.

Когда же Вик зашёл в лазарет проведать раненых, то увидел Рейнбоу Дэш, которая пыталась обойти вороную единорожку и прорваться к постели с бесчувственной Скуталу.

— Вельвет, что с ней? — спрашивала радужная пегаска, причём явно не в первый раз, — Ну скажи!

Она всё ещё была в платье, отрабатывая проигрыш в споре, правда, распустила косу, и радужные пряди свободно ниспадали на шею и спину.

— Дэш, не мешай, — ответила Ремеди, перегораживая выход в лазарет, — Я тебе уже сто раз говорила!

Рейнбоу услышала шаги и обернулась. Виктор с удивлением увидел, что тени у Рейнбоу поплыли — пегаска явно недавно плакала.

— Ты же обещал! — осуждающе выкрикнула она, и хриловатый голос прозвучал надломленно от сдерживаемых слёз.

Виктор не нашёл, что ответить расстроенной в лучших чувствах Рейнбоу, но вмешалась Вельвет.

В голосе единорожки звучал металл:

— Рейнбоу Дэш! Жизнь Скуталу будет вне опасности при условии, что никто, слышишь, никто, не будет крутиться вокруг и толкать меня под копыто!.. Если ты ещё не поняла, это я о тебе!

Вон отсюда все! Впрочем, нет. Вик, останься, мне понадобится пара рук с пальцами.

Виктор, мысленно поблагодарив единорожку, зашёл в лазарет и дождался, когда дверь закрылась.

Скуталу лежала в кровати, и на её мордочке красовалась регенерирующая повязка.

Вельвет сказала, отвечая на незаданный вопрос:

— Её жизнь вне опасности. К утру очнётся, если ввести стимуляторы, но лучше пусть всё идёт естественным путём. Я только вправила хрящ и наложила повязку. Останетесь на пару дней...

— Нам надо идти, — перебил Виктор.

— И вам для этого нужна Скуталу? — поинтересовалась Вельвет, мысленно готовясь к полемике.

— Об этом я и хотел поговорить, — ответил он, — Ей лучше будет остаться тут. А мы с Лирой сами как-нибудь...

Вельвет села на круп и взялась за голову копытом:

— О, богини, неужели я слышу здравую вещь от человека? Видать, этот мир не так уж безнадежен... Иди, успокой радужный ураган и скажи, чтобы прилетал не раньше утра. Скут вне опасности и просто спит.

Виктор взглянул на Скуталу.

— Не вздумайте отправляться без меня, — подал Джерри голос с соседней койки.

Его грудь теперь закрывала тугая повязка, а рядом сидела Гайка, нежно, но непреклонно удерживая мыша в лежащем положении.

— Это мятное недоразумение без меня не ступит и шагу, — добавил Джерри, — Я сказал.

— У тебя два ребра сломано! — возразила Гайка.

— В гриве сидеть это мне не мешает.

— Я тебя не пущу... — в голосе мышки послышалось универсальное женское оружие — слёзы.

Но мыш оказался настроен решительно. Он привстал и посмотрел в увлажнившиеся глаза Гаечки.

— Тебе придётся меня связать... — сказал он, но осёкся, когда в голубых глазах сверкнули решительные искорки, — Ох, это я зря...

Виктор подался вперёд.

— Гайка, не надо, — попросил он, — Пусть идёт.

Мышка смирила парня неодобрительным взглядом.

— А если Серафима очнётся и попросится с нами, ты и её потащишь?

Виктор смутился. Удар попал в цель. Серафима лежала на крайней койке, рассчитанной на людей, и всё ещё была без сознания. Ей досталось больше всех, и Вельвет диагностировала сильное сотрясение.

Сейчас девушка была отдана в заботливые манипуляторы автодока, в котором уже не нуждалась Рэрити. Большинство индикаторов диагностического модуля горели зелёным — пациентка шла на поправку.

— Мы пойдём собираться, — сказал Виктор, — Джерри, если хочешь идти с нами — возьми обезболивающих и регенеративных.

— Возьму-возьму, — ворчливо отозвался мыш, — Только не для себя, а на всех. Как показала практика, они нам пригодятся.

Вельвет переглянулась с Гайкой и сокрушённо покачала головой.

— Вы уйдёте, а Скуталу рванёт за вами, как только очнётся, — заметила чёрная единорожка.

— Не рванёт, — с улыбкой заверил Виктор, — Я знаю, кому это поручить.

— Рейнбоу Дэш?

— Конечно. И неугомонной мелюзге в плащах с гербами. Передашь, что мы взяли флаер долететь до города?

— Не вопрос. Стиви бы не возражал.

Виктор кивнул и вышел из лазарета. Вельвет повернулась к Джерри и спросила:

— Уверен, что не станешь им помехой?

— Уверен. Неужели ты думаешь, что я отпущу этих небожителей одних?

— А как же Скут?

Мыш вздохнул и посмотрел единорожке в глаза.

— Мне следовало оставить её здесь ещё утром. В безопасности. Моя вина, что она лежит тут с повязкой на мордочке вместо того, чтобы играть с друзьями.

— Не вини себя, — сказала Гайка, поглаживая мыша по уху, — Ты не мог знать.

— Мог. Должен был догадаться, что эта психопатка не оставила попыток найти Скут...

— По крайней мере, благодаря ей нас теперь оставят в покое хотя бы на какое-то время.

— Почему? — спросила Вельвет.

— Потому что думают, что мы мертвы, — ответила Гайка и улыбнулась, — И чем дольше они будут так думать, тем больше мы успеем сделать...

— Надеюсь, у вас получится... Что бы вы ни задумали, — вздохнула Вельвет, — Элементы Гармонии, что теперь снова вместе на ранчо Стивена, не справились с жизненными трудностями и проиграли... Хотя Стив и верит в грядущее чудо.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Джерри, — Скуталу мне все уши прожужжала этими Элементами.

— Посуди сам, — продолжила рассуждать Вельвет Ремеди, — Эпплджек слишком мала, Пинки Пай чуть не разучилась смеяться вообще и уж точно больше никогда не станет полностью беззаботной. Рэрити лежит вон там в беспамятстве и ещё нескоро придёт в себя окончательно. Рейнбоу Дэш, по сути, всё равно на Гармонию. Она преданный друг и именно она спасла Пинки, но в мире за пределами ранчо она разочаровалась навсегда. Флаттершай в своей доброте чуть не погибла, и только любящее сердце ронина смогло вновь вернуть её в этот мир. А Твайлайт... Твайлайт сдалась.

— Сдалась? — переспросил Джерри, — Да она тут всем заправляет!

Вельвет покачала головой.

— Твайлайт, которая пришла сюда с целой семьёй, и Твайлайт, что сейчас помогает Стивену — это всё равно что две совершенно разные пони. Она в своей любознательности смогла куда полнее познать мир людей с помощью Стива, и это... сломало её. У людей есть поговорка, что во многих знаниях — многие печали. Твайлайт решила, что не сможет ни изменить этот мир, ни покинуть его. Примкнуть к селестианцам ей не позволяет гордость учёного, наставницы-богини у неё тут нет. Вот и получилось так, что наша Твайлайт живёт ради кого-то, ради работы, но своей цели у неё больше нет. Портал в Эквестрию так и остался проектом...

— А ты неплохо... разбираешься во всём этом, — болезненно кашлянув, заметил мыш.

Вельвет развела передними ногами:

— Мои эквестрийские воспоминания — это Пустошь. Она быстро приучает тебя к суровой реальности. И моя задача лечить не только травмы вновь прибывших, разбитые коленки и объевшиеся сладостями животики, но и душевные раны. А это... куда тяжелее. И я рада, что могу помочь Стивену в этом.

— Мы справимся, — уверенно сказала Гайка, посмотрев единорожке в глаза, — После всего... просто должны.

...Виктор вышел из лазарета и встретился взглядом с Рейнбоу Дэш, которая, казалось, поджидала его.

— Рассказывай! — потребовала пегаска, взлетев и повиснув перед парнем, чтобы сравняться ростом, — И не смей ничего утаивать!

— Скуталу будет в порядке... — начал Вик, но Рейнбоу прервала его, махнув копытом:

— Нет! Рассказывай, что с вами стряслось!

Виктор почувствовал себя неловко.

— Это... не слишком безопасно знать. И в частности, тебе.

— Неужели?

— Да. Поэтому извини, но я тебе ничего не расскажу. Ради твоей же безопасности.

С этими словами Виктор вышел из лазарета, оставив разгневанную пегаску висеть в воздухе.

Та уже собралась вылететь следом и настоять на своём, возможно, даже прибегнуть к грубой силе. Но тут на глаза попался ещё один источник информации, проходящий мимо лазарета.

Мятно-зелёный источник, и куда как более мягкотелый.

Ли́ра, мучимая мигренью несмотря на укол, неожиданно обнаружила, что мягко, но настойчиво прижата к стене боком небесно-голубой пегаски в белом платье.

— Р-рейнбоу? — неуверенно спросила единорожка, — Можно... попросить тебя... Дать мне немного личного пространства?

В ушибленную голову влезли совершенно неуместные мысли, основанные на понивильских слухах о радужной пегаске.

— Ты расскажешь мне, что с вами приключилось, — сказала та, и это был не вопрос.

— Я не думаю...

Рубиновые глаза приблизились вплотную к мордочке Лиры.

— Как ты думаешь, это просьба или требование?

Ли́ра икнула от неожиданности. Уж чего-чего, а здесь такой неприкрытой агрессии она не ожидала даже от Рейнбоу Дэш.

— Но я... — начала она, но пегаска вдруг ослабила хватку и попросила:

— Ну пожалуйста, Ли́ра... Я должна знать, что случилось со Скуталу.

В голосе лазурной сорвиголовы была такая мольба, что единорожка не выдержала такой комбинированной атаки и начала рассказ. Вскользь упомянув цель похода, рассказала то, что Рейнбоу интересовало в первую очередь. А именно, бой на заброшенном заводе.

Когда Ли́ра дошла до появления Рейнбоу Дэш Вендар, в глазах лазурной пегаски вспыхнула ярость:

— Ну вот! Я же говорила, что мне надо было идти с вами!

Ли́ра вздохнула. Скуталу была права: окажись вместе с ними Рейнбоу Дэш Агилар, это стало бы её приговором. Да и одумалась бы тогда Рейнбоу-гладиатор, пролив кровь одной из тех, кого ненавидела больше всего на свете?

— Слушай дальше, — сказала единорожка и поведала о том, как Дэш Вендар билась с судьёй и как этой короткой схваткой спасла всех.

Когда же мятно-зелёная пони замолчала, Рейнбоу какое-то время ещё смотрела ей в глаза, после чего молча полетела в сторону гостиной. Лира прошла следом и увидела, как Виктор успокаивает пони, справляющихся о состоянии Скуталу.

— Сначала Рэрити, теперь Скуталу! — со слезами в голосе говорила Свити Бель, — Почему нас не пускают к ним?!

— Вельвет обещала, что завтра пустит тебя к сестре, — сказал Виктор, поглаживая маленькую кобылку по гриве, — Заодно повидаетесь и со Скут. Поверь, они обе вне опасности.

— Тогда почему нас не пускают? — продолжала капризно спрашивать маленькая единорожка.

— Потому что Скуталу и Рэрити спят! Ты же не хочешь их разбудить?

На мордочке Свити отразилась душевная борьба.

Лира виновато улыбнулась и сказала вполголоса:

— Наделали мы переполоха...

Парящая рядом Дэш, казалось, думающая о своём, проговорила:

— Как жаль, что Стивен не встретил ту Рейнбоу раньше. Он бы помог ей.

— Как? — спросила Лира.

— Выкупил бы, как Грей Маус или Вельвет.

Сердце Леры сжалось.

— А их тоже?.. — начала она и поняла, что не в силах закончить.

— Что?.. Нет, не думаю. К Мышке хозяин просто относился как к животному. Нередко бил. Не разрешал разговаривать, одеваться и есть за столом. А Вельвет как на Пустоши, заставляли петь, хотя её настоящий талант — медицина. Я имела в виду, Пинки привела бы вторую Рейнбоу в чувство. Уж поверь. Вернуть веру в лучшее завтра — в этом она настоящий профи. Да и Стивен, и я, и все остальные не остались бы в стороне.

Ли́ра вздохнула. О смертельной ране Дэш Вендар она упомянула вскользь. Да и была ли та смертельной? Теперь этого никогда не узнать доподлинно.

И с этим придётся, как ни крути, жить дальше.

— Ли́ра! — вдруг раздался писклявый голос, и словно из-под земли, в комнате возникла Пинки Пай.

Виктор обернулся к розовой пони.

— Привет, Пинки, — поздоровался он.

— Вы решили повторить прощальную вечеринку? — подпрыгнула пони, вызвав несколько улыбок у всех присутствующих, — Это просто здорово!

— Пинки, мы... — начала было Ли́ра, но та завертела головой и вдруг спросила:

— У! У! У! А где тот мрачный детектив? Я обещала устроить в его честь супер-потрясную Пинки-вечеринку-которую-он-никогда-никогда-не-забудет!

Повисло неловкое молчание.

— Пинки, — выдавил, наконец, Вик, — детектив Трейси зайдёт в следующий раз.

Пинки обвела собравшихся взглядом.

— Оки-доки-локи! — пропела она, — Но пусть предупредит заранее, чтобы я могла подготовиться! Устроить супер-потрясную Пинки-вечеринку — это вам не чайку попить!

С этими словами Пинки упрыгала в соседнюю комнату, умудрившись как-то увлечь за собой Свити Бель.

— Я расскажу тебе, как Рейнбоу Дэш... — успели услышать пони, прежде чем дверь закрылась.

— Она ведь всё поняла? — спросила Ли́ра.

— И даже больше, чем «всё», — ответила Рейнбоу, — Это же Пинки Пай.

Единорожка опустила глаза.

Ей даже не верилось, что один из охотников, которые преследовали их уже который день, всё же оказался хорошим человеком.

К Виктору подошла Твайлайт.

— Я созвонилась со Стивеном, — сказала она, — Можете снова взять флаер. Только отправьте его потом домой на автопилоте.

— Без проблем.

Виктор, обедая собравшихся пони взглядом, почувствовал, как на душе теплеет.

Если люди хотя бы пытались быть похожими на пони, этот мир очень быстро стал бы куда лучше.

* * *

Тёмная комната. Подсветка. Силуэты.

Голос пожилого мужчины звучит спокойно, но знающие люди чувствуют, как где-то в глубине там клокочет бешенство.

— Отряд полиции. Двое охотников. Группа быстрого реагирования. Все они уничтожены. Кто-нибудь из присутствующих может мне объяснить, каким образом пони и мышь смогли всё это устроить?

— Их было двое, сэр, — отвечает молодой голос.

— Двое кого?

— Двое пони. Или трое. Точных данных нет.

— Вы издеваетесь?!

— Есть подозрение, — молодой голос приобретает лепечущие нотки, — что они знали, что в их руках...

— Копытах, — поправляет ещё кто-то, но молодой отмахивается:

— Не паясничайте. Так вот, я предлагаю исходить из того, что они знали о «Ключе» и искали, кому бы его продать и где бы спрятаться. «Ключ» может понадобиться очень узкому кругу лиц в Гигаполисе.

— Это уже кое-что, — снова спокойно звучит голос пожилого мужчины, — Вы говорили, что их было двое?

— Да сэр, вторая пони — Лира Ха...

— Мне плевать, как её звали. Выясните кто её хозяин и найдите его. Уж это-то вам под силу?

— Разумеется, — говорит молодой голос, — Никаких проблем. Уже вычислили.

— Это просто нелепо, — вмешивается пожилая женщина, — И вдвойне то, что мы опять ничего не знаем.

— Они погибли, — уверенно говорит молодой, — Хотели сбежать в Зелёный сектор на флаере, но наши ребята успели как следует его расстрелять... В общем, от него остался оплавленный каркас.

Раздаётся голос молодого мужчины:

— Хозяин второй пони — из Белого города. Не забудьте отдать распоряжения по протоколу «Омега».

— Уже. И причастного свидетеля убираем прямо сейчас.

Пожилой голос снова начинает сокрушаться:

— Столько лет планирования и хитроумных манипуляций, а всё для чего? Для того чтобы пара оживших игрушек всё испортила?

— Нам надо задействовать план «Б», — продолжает женский голос, но молодой поспешно заявляет:

— У нас нет плана «Б»!

— Тогда создайте его! — рычит, не сдержавшись, голос начальника, — Сутки! Я давал вам три дня! И что я вижу в результате? Сводку о потерях и записку с оправданиями. Теперь придётся

отложить проект «Оверлорд» как минимум на полгода, потому что скомпилированные данные уничтожены! Чья была идея ликвидировать СКПшников до того, как данные были включены в проект?

— Моя, сэр. Слишком опасно было доверять их киберсети и вообще цифровым носителям. Равно как и оставлять в живых авторов. Копий не создавали во избежание утечек. А массив должен быть напрямую подключён к серверам, иначе движение такого количества данных сразу привлекло бы внимание.

— И теперь из-за пары синтетов и вашей некомпетентности мы фактически вернулись к тому, с чего начинали. Ну спасибо хоть на том, что эти мелкие ублюдки обратились в пепел.

— Предлагаю во избежание повторения инициировать большую зачистку в Сером, — говорит молодой голос, но пожилой возражает:

— Подобными чистками могут интересоваться журналисты, а через них — официальные власти. Мне бы не хотелось, чтобы появилась версия произошедшего, отличная от официальной. Кроме того, мелочная мстительность — это очень непрофессионально.

Повисает недолгая пауза. Затем вновь раздаётся молодой голос:

— Что делать с парнем на ферме?

— Пока ничего. Этот, как его там, Агилар-младший, что-то вроде местного сумасшедшего, коллекционирующего синтетов от «Хасбро». И если он начнёт кричать о «жу-у-уткой корпорации», то с ним разберутся власти. Помните, официальная позиция компании должна характеризоваться одной простой фразой: «Вы перечитали комиксов».

Люди собираются расходиться, но пожилой голос добавляет:

— И проверьте Элен Флаис на всякий случай. Старый Стюарт поминал её в разговоре. Может быть, стоит ускорить её введение во внутренний совет.

— Или наоборот, — вставляет голос пожилой дамы.

— Или наоборот, — соглашается шеф, — По ситуации.

* * *

...Хотя сборы заняли не так много времени, на улице успело стемнеть.

Шторм превратился в моросящий дождик, и усадьба Стивена Агилара казалась единственным островком света в бескрайней тьме загородных просторов. Далёкий Гигаполис почти не просвечивал сквозь висящую в воздухе влагу.

Вик всё же зашёл в лазарет к Серафиме перед отправлением.

Он написал записку, но, кладя лист на тумбочку, заметил, что веки лихой водилы приоткрылись.

— Вот значит как? — спросила Серафима слабым голосом, — Сбегаешь в ночи со своей лошадкой, оставляя прощальное письмо? Тоже мне, Дон Жуан!

Виктор молча заключил девушку в объятия, и та сдержанно рассмеялась:

— Эй-эй-эй, полегче с обнимашками! Я всё-таки не дала согласия стать твоей невестой, так что не лапай особо.

Вик немного смутился, но увидев ухмыляющееся лицо Серафимы, упёр в руки в бока и серьёзным тоном спросил:

— Всё шутишь?

— Мне никогда это не надоест. Ты такой наивный и непосредственный, что одно удовольствие вгонять тебя в краску.

Виктор нашёл в себе силы улыбнуться.

— Мы только слетаем к этой Элен Флаис, и сразу обратно.

— Контрацепцию не забудь, — усмехнулась Серафима.

— Зачем?

— Идёшь на свидание с симпатичной девушкой и ещё спрашиваешь, зачем?

— Я не говорил, что она симпатичная.

— Да брось, при таких деньжищах она будет красивой и через двести лет. Так что веселитесь... Я всё равно теперь безлошадная...

Серафима осеклась.

Как может понять житель Белого города, что значит для водителя потерять свою машину? Всё равно что лишиться ног. Серафима уже лет десять была неразлучна со своим такси и даже не мыслила себя отдельно.

Машина — это не просто средство передвижения. Это член семьи, это средство заработка... Водитель без машины — самое жалкое существо, которое только можно придумать. Гибель машины — это потеря работы и средств к существованию.

Виктор, от которого не ускользнуло выражение лица Серафимы, взял её руку в свою.

— Не огорчайся, — сказал он, — Для меня не проблема купить колёсную машину. В принципе, не проблема даже флаер.

Карие глаза поднялись навстречу, а на лице заиграла прежняя озорная улыбка.

— Ты же знаешь... — начала девушка, но её губ коснулся палец.

— Да, да. Тебе понадобится ссуда, чтобы перезарядить антигравы. Поэтому купим тебе что-нибудь приличное, но на колёсах.

Серафима хотела ещё что-то сказать, но Виктор не дал:

— Потом. Всё — потом. А пока мы едем к Элен Флаис...

...Уже выходя из лазарета, Вик подумал, что так и оставил письмо на тумбочке Серафимы.

В нём Вик написал многое из того, что успел сказать устно. Но теперь был рад, что девушка всё же прочтёт строки, тщательно выведенные на странице.

Неподалёку слышались голоса.

Первый принадлежал Твайлайт Спаркл Агилар, которую за глаза называли «принцессой ранчо». Единорожка, конечно, сердилась на такое прозвище, но не всерьёз.

— ...я всё же надеялась, что ты останешься, — говорила лавандовая единорожка.

— Мы должны дойти до конца, чтобы во всём разобраться, — ответил голос Лиры.

— Жаль. Бон-Бон расстроится.

— У неё своя жизнь. Не связанная с селестианками вроде меня.

— Какая же ты глупенькая... — неожиданно серьёзно сказала Твайлайт, — Она хоть и не помнит Эквестрию, но...

Пони прошли мимо, и голоса перестали быть различимы.

Виктор подумал, что было бы и впрямь здорово оставить пони здесь. В безопасности и покое.

Но отказать Лире в её праве участия было бы слишком неправильно...

* * *

...Вик набирал домашний номер с телефона-автомата, будки которых не канули в Лету ни с изобретением мобильных устройств связи, ни киберсети, ни даже дронов-посыльных.

Нужно было оставить распоряжения на случай вечернего возвращения домой, а также передать несколько сообщений родственникам и Деду... на случай, если сам Вик не успеет этого сделать.

Личный же коммуникатор почему-то не работал. То есть, прибор работал, но создавалось впечатление, что Виктор находится на другой планете: ни сети, ни сигнала, ни даже каналов экстренной помощи.

Автоответчик не брал трубку довольно долго, но вскоре металлический голос произнёс:

— Вы позвонили в дом Виктора Стюарта. Он сейчас не может подойти. Оставьте сообщение после сигнала.

Вик нахмурился. В отсутствие хозяина система должна была отвечать его собственным голосом. А такой ответ был настроен только на случай, если Виктор был дома, но занят.

Наверное, произошёл сбой.

Виктор назвал пароль для доступа в систему.

— Пароль удалённого сервиса недействителен, — заявила ему система, — в присутствии владельца дома.

— Какого чёрта, я не дома! — воскликнул парень, весь день которого и без того прошёл на нервах, — Гребаная железка, я твоих создателей по судам затаскаю!

Неожиданно с экрана видефона пропала эмблема компании «Гигаполис-линкс», сменившись лицом человека.

Очень знакомым лицом, которое Виктор привык видеть в зеркале по утрам.

— Стюарт, слушаю, — человек осёкся, тоже увидев собственное лицо на экране, — Какого чёрта? Это чья-то шутка?

Виктор в телефонной будке не верил своим глазам. От изумления он даже не нашёлся, что ответить.

Двойник с экрана тем временем сказал:

— Не знаю, чьих это рук дело, мистер, но это не смешно. Я очень занят и собираюсь уходить.

— Куда?! — только и выдавил Виктор.

Двойник, казалось, на мгновение смутился:

— На свидание... Не Ваше дело! Всего наилучшего.

Экранчик погас. Виктор ещё некоторое время стоял, тупо моргая в пространство. Это было уже слишком.

— Вызов завершён, набрать другой номер? — услужливо осведомилась система связи приятным женским голосом.

— Да... — словно в полусне согласился Виктор, — Новый номер...

— Принято. Ждите.

Когда Виктор отправлялся в Серый город, он не боялся. Потому что знал: за ним — система. За ним — законы, права и, чего греха таить, немалые деньги. Всё то, чего не было у миллиардов людей на этой планете.

Но сейчас парень чувствовал, как в спину ощутимо потянуло холодком. Как будто вместо надёжной стены сзади оказалась бездонная пропасть. Интуиция подсказывала ему, что личные счёта проверять не стоит: во-первых, теперь бесполезно, во-вторых — уже опасно.

На экране появилось лицо Деда.

В помещении почему-то было темно, и вообще проекция наводила на мысль, что Дед пользуется наручным коммуникатором.

— А, Вик, — протянул Стюарт-старший, — Что, решил начать сначала?

— Не понял.

— Ты звонил мне утром и вёл себя так, как будто вообще не помнил ни о нашем разговоре, ни о своей лошадке, ни о данных... Кстати не упоминай их названия. Засекут.

Виктор хотел уже издать удивлённое восклицание, но осёкся. В конце концов, это только подтверждало случившееся.

— Это был не я, — сказал он, — а какой-то двойник. Он сейчас в моей квартире и идёт на свидание... не знаю, с кем.

— С одной из фиф твоей мамыши, — отозвался Дед, гремя в полумраке каким-то железом, — Короче, доберись до Элен, и скорее. И не пользуйся личными данными больше. Ты теперь вне системы. Поэтому делай что задумал. Светись как можно меньше в аккаунтах и Белом городе. Кое-что полезное найдёшь в банке нашей семьи, в ячейке «зеро-зеро-зеро». Код — «Хрен вам всем, дорогие родственнички». Запомни хорошенько, потому что иначе ячейку открыть нельзя, а срок хранения — пятьсот лет.

Виктор нервно хихикнул. Дед был в своём репертуаре.

— Ты так говоришь, как будто мы не увидимся, — сказал он, найдя в себе силы улыбнуться, но Дед остался серьёзным:

— Слушай сюда, шкет. Мне отрубили ЕМП-зарядом всю цитадель и сейчас идут на штурм. Работают только приборы на батарейках типа наручного коммуникатора. У меня для гостей будет несколько сюрпризов из двадцатого века, но в конце концов меня сомнут. Официально, скорее всего, спишут на сибирских рейдеров, но знай — это БРТО. Уж не знаю, чем ты их так разозлил, ради синтетских свадеб они бы так не взъелись...

— Дед! — воскликнул Вик, — Уходи оттуда!

Старый Стюарт усмехнулся.

— Куда? И на чём? Они тут кружат на боевых флаерах. Мой броневилок собьют в момент, а на своих двоих я далеко не уйду — скорость не та. Ничего. Я всегда хотел сдохнуть эффектно. И знаешь, я хотел тебе сказать. Если и останется после меня кто-то из настоящих Стюартов — это ты. И папаня твой. Если из-под каблука вылезет.

Виктор не знал, что сказать. К горлу подкатил ком, но Дед вдруг посмотрел куда-то в сторону.

На экране было видно, как в руках старого Стюарта появились угловатые очертания древнего пулемёта. Блеснул желтоватый металл патронов в ленте, со стуком опустились неуклюжие сошки.

— Я всегда говорил, что бластеры — оружие для баб и педиков, — ухмыльнулся Дед, — А как вам старый добрый «двенадцать-и-семь»?

С лязгом передёрнулся затвор, загоняя первый патрон в ствол.

Дед чего-то ждал. Наконец, из темноты сверкнуло красным: лазерный луч прошёл совсем рядом.

— Что, хотите поиграть грубо? — осведомился Старший Стюарт и усмехнулся непонятно чему, — Тогда познакомьтесь с моим маленьким другом!

В следующий миг из динамиков видеофона грянул ритмичный грохот, а полумрак на той стороне разорвали рыжеватые вспышки порохового огня.

Виктор, не в силах оторвать взгляд, смотрел на отблески последней битвы Деда и не мог сдержать слёз.

— Семь-ноль, козлы! — проорал Барт Стюарт, сделав паузу в стрельбе, — Только суньтесь, ещё не так получите!

— Дед! — позвал Виктор, и старший Стюарт вновь повернулся к экрану.

— Ты здесь ещё? Давай, не теряй времени... Э, да ты там нюни распустил никак? Я, может, поторопился, назвав тебя последним Стюартом? А ну, утёр сопли, живо! Совсем обабился со своими лошадаками!

Виктор вытерся рукавом и сказал:

— Дед... ты просто... старый пердун!

Барт Стюарт не обиделся. Только улыбнулся:

— Вот, другое дело. А теперь прощай. Можешь посмотреть шоу, но коммуникатор я сломаю, когда почувствую кирдык.

Снова загрохотал пулемёт с красной звездой на ящике с лентой. Вик неуместно вспомнил, что Дед ласково называл оружие «Utes» и зачастую вытаскивал из хранилища, чтобы пострелять в мишени. А ещё — что пули крупного калибра рвали в клочья даже современную индивидуальную броню, предназначенную для защиты от лазеров.

Громыхнули древние гранаты, которые Дед с хохотом метнул через баррикады. Казалось, старый Стюарт просто веселится от происходящего.

Вскоре Виктор увидел, как алые лучи лазеров прошли насквозь и импровизированную баррикаду, и самого Деда. Барт Стюарт зарычал от боли, но не прекращал стрельбу, начав выкрикивать оскорбления в адрес наступающих.

Наконец, с невидимой для Виктора стороны прилетел сгусток синего пламени, на мгновение заполнившего экран. Очевидно, корпоранты решили задействовать плазменное оружие, не столь требовательное к точности попадания.

Экран погас, когда миниатюрное солнце расплавало всё в зоне попадания.

— Сбой связи, — сообщила система, — Желаете повторить звонок?

— Нет, — прошептал Виктор, — Конец всех операций.

Забрав из автомата сдачу, он вышел на промозглый ветер, где его дожидались Лира и сидящие на ней мыши. Единорожка, спасаясь от холодного ветра, застегнула тёплую куртку, а шею замотала белым шарфом.

— Вик, что там? — спросила пони, — На тебе лица нет.

— По дороге объясню, — сказал Стюарт, — Пошли.

— Ты же хотел флаер вызвать.

Виктор вздохнул.

— Похоже, нам придётся воспользоваться флаерным такси, чтобы добраться до Белого города в этот раз... Или ещё что-нибудь придумать.

С этими словами он двинулся вдоль по улице, вложив руки в карманы.

Город вокруг теперь казался чем-то чужим и страшным. А белые иглы Шпилей, подпирающие небо у самого горизонта — отныне недостижимыми.

Для одного дня это было слишком много.

Хотелось надеяться, что эта Элен Флаис действительно стоила всех усилий и потерь...

<http://tl.rulate.ru/book/82033/2552587>